ИСТОРИЯ

Г.В. Седова (ин. Евфросиния)

Докторант кафедры истории
Да́угавпилсского университе́та (Латвия)

Христианские обители в Советской Латвии: 1958-1961-е годы

В 60-е годы XX столетия в СССР разворачивается масштабная кампания по искоренению религии из общественной жизни советских граждан. Антирелигиозная политика Н. Хрущева, поддерживая лозунг «борьбы против религии, борьбы за социализм», считала религию окончательно перевернутой страницей, достоянием лишь непросвещенных людей. Все, что пережила Русская Православная Церковь ранее: подрыв ее материальной базы, антирелигиозная пропаганда, кощунственные выступления отступников, – было только подготовкой к этому главному моменту хрущевского наступления на Церковь. Не избежала этого антирелигиозного наступления и Латвийская Православная Церковь, и в частности Рижская епархия.

После Второй мировой войны в Советской Латвии коммунистический режим насаждал насильственную советизацию во всех сферах жизни, в том числе, и в религиозной. Одна из важных тем, которую требовалось решать в молодой республике, развитие государственно-церковных отношений. По советской модели, Церковь была отделена от государства, и для партийно-идеологического аппарата в Латв.ССР, важно было усилить контроль в религиозных вопросах, и таким образом «советизировать церковь». Но власти столкнулись с активной религиозной жизнью в Балтийском регионе, такими духовными центрами были монастыри, как православные, так и католические. Советские функционеры понимали, что в преддверии создания коммунистического общества не должно существовать никакой идейной оппозиции, поэтому ответ на тяготение народа к Церкви мог быть только один — подавление религиозных настроений в обществе и одна из важных задач стояла, ликвидация монастырей, а также насельников и насельниц, там подвизающихся.

Ключевые слова: закрытие монастырей, антирелигиозная кампания, уполномоченный, хрущевские гонения, монахини.

Конец 1950-х годов ознаменовался в истории СССР волной масштабной антирелигиозной кампании, которая началась с гонений на монастыри. С приходом советской власти в Латвию эти процессы коснулись и религиозной жизни молодой республики. Важно указать, что роль обителей всегда являлась чрезвычайно важной в духовной жизни Русской Православной Церкви. На протяжении веков монастыри были не только как места паломничества, но и как центры

просветительской и религиозной жизни верующих людей. Советская власть это хорошо понимала и пристально следила за деятельностью обителей и их насельников.

Как проходила кампания по закрытию монастырей в Латвийской ССР – эта тема обширного исследования. В предлагаемой работе автор попытался сфокусировать внимание и рассмотреть события, связанные с планами властей по ликвидации католических и православных монастырей в 1958-1961-е годы в Советской Латвии. Предпринята попытка по изучению материалов о периоде так называемом «хрущевских гонений», который практически не исследован в истории Латвии. В процессе работы были использованы архивные документы фонда уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Лат.ССР из Латвийского Национального Архива, которые публикуются, и вводятся впервые в научный оборот.

В послевоенные годы стало отчетливо проявляться оживление в религиозной жизни в стране, в том числе и в Латвийской ССР. Власти понимали и не могли этого допустить. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) под руководством секретаря ЦК М.Суслова разработал проект постановления « О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний», принятого в начале 1949года [10, с. 413]. Далее в 1954 году ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [10, с. 433]. Осуждалось прежняя «примиренческая» политика в церковном вопросе. В этом же году в Совете по делам Русской Православной Церкви была разработана инструкция для Прибалтийских республик и обл. РСФСР, где имелись православные монастыри, но каких то решительных действий со стороны властей не последовало [7, л. 1а]. Период с 1955-1957 годы вошли в историю Церкви, как кратковременное затишье перед бурей [10, с. 436]. С усилением власти Н. Хрущева восстанавливается «ленинский идеал» в политике государства, и начинается новое наступление на религию.

В принятых постановлениях Совета Министров СССР от 16 октября 1958 года «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» и «О монастырях в СССР», обителям, запрещалось использовать наемный труд, предписывалось уменьшить земельные наделы, а также главное сократить количество монастырей. Тяжелейшим ударом было введение ранее отмененного в 1945 году налога на строения и земельную ренту. Налог на землю был очень высок - за 1 сотку необходимо было платить по 40 рублей [11, с. 363]. В этом году и Совет Министров Латв.ССР принял постановление от 15 ноября за № 584 «О монастырях в Латвийской ССР», в котором рассматривались возможности сокращения количества монастырей на территории республики [5, л. 25]. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Латвийской ССР А.Сахаров в донесении в Москву писал, что «монастыри являются опорными пунктами церкви, имеющими важное значение в укреплении и распространении религиозной идеологии, особенно среди женщин и молодежи» [5, л. 19].

Годом позже на имя председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Карпова, поступает письмо от уполномоченного Совета по ЛССР, в котором он представлял проект постановления « О ликвидации монастырей, находящихся на территории Латвийской ССР» [5, л. 29]. В этой связи интересно дополнение к документу от 26 марта 1959 года, в котором А. Сахаров писал: «В соответствии с Вашим устным указанием, полученным по «ВЧ» (спецсвязь, высоко-

частотная – Г.С.), проект данного постановления мною специально докладывался Председателю Совета Министров ЛССР тов. Лацису В. При этом еще раз была рассмотрена целесообразность постановки вопроса о ликвидации рижского женского монастыря – православной церкви… В результате этого рассмотрения устанавливается, что постановка вопроса о ликвидации монастырей на территории ЛССР требует одновременного решения в отношении всех имеющихся монастырей. Такая необходимость диктуется тем, что если принять решение о ликвидации двух католических монастырей, не ставя вопрос о ликвидации монастыря православной церкви, - это может быть использовано националистическими элементами в своих антисоветских целях. Такие действия Правительства ЛССР могут привести к усилению религиозного антагонизма и могут быть использованы церковниками.

Постановка вопроса о ликвидации рижского женского монастыря предусматривает проведение предварительных мероприятий. Ликвидацию предлагается провести на протяжении 1959-1961 годов» [5, л. 31].

Атеистические власти в своих планах поэтапно решали закрыть в молодой республикетследующие обители: мужской католический монастырь конгрегации «Марианов» в г. Виляны, женский католический монастырь конгрегации «Нищего младенца Иисуса» в местечке Аглона и женский православный «Троице Сергиев» монастырь в Риге и «Спасо-Преображенский» скит в Валгунде [5, л. 29-30]. Вопросами по ликвидации католических монастырей на территории Латвии занимался уполномоченный Совета по делам религиозных культов ЛССР Ю. Рестберг, а подготовку по закрытию православных монастырей Рижской епархии проводил уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР по Латв.ССР А. Сахаров.

Конгрегация «Рыцарей Пресвятой Девы Марии» была создана в Латвии в 1924 году. В довоенный период в Вилянском монастыре находилось около 50 человек братии, часть из которых обучалась в местных духовных учебных заведениях и впоследствии стала священниками. Обитель имела 30 га земли, 15 коров, 4 лошади, мелкий скот, а также лесопильное предприятие и электростанцию. После Второй мировой войны в монастыре из братии осталось около 20 человек. «Кто-то был репрессирован за антисоветскую деятельность, кто-то самовольно ушел», - как писал уполномоченный. В 1949 года монастырь получил в бесплатное и бессрочное пользование церкви и часть монастырского здания. В эти годы старшим духовным лицом для монахов был епископ Казимир (Дульбинский; 1906-1991) [5, л. 35]. До 1956 года братья «вели себя осторожно и не проявляли особой активности, но после возвращения из заключения провинциала Бронислава (Вальпитрс; 1899-1976) миссионерская деятельность монахов усилилась. В частности, сам Вальпитр пытался создать ячейки марианов в западных районах Латвии», - отмечал в справке уполномоченный Ю. Рестберг [5, л. 35].

27 ноября 1958 года 10-я сессия Вилянского районного Совета депутатов трудящихся Латв.ССР при обсуждении работы « О мерах по улучшению культурно-просветительной работы в районе» по предложению депутатов райсовета приняла решение «поставить вопрос перед правительством о закрытии монастыря» [5, л. 35]. Нужно отметить, что монастырь занимал прилегающие к костелу 4 комнаты бывшего здания монастыря. Остальные помещения обители были национализированы под общежитие для учителей средней школы [5, л. 35].

Столь «несовместимое соседство» активизировало местные власти и поспособствовало ликвидировать монастырь конгрегации марианов. Закрытие мужской обители было намечено на первую половину

1959 года. Из постановления следовало, что «помещение, занимаемое монахами передать в распоряжение Вилянского райисполкома Совета депутатов трудящихся, а монашествующих лиц часть переместить в обслуживаемые ими приходы, других в дома для престарелых» [5, л. 29].

Следующим этапом ликвидации значился женский монастырь конгрегации «Нищего младенца Иисуса» Римско-католической церкви. Он был создан в 1927 г. в местечке Яунаглона. В 1933 г. обитель переведена в Ригу. Число насельниц не превышало 40 человек: они обслуживали рижскую туберкулезную больницу, где ухаживали за больными детьми и трудились воспитательницами в школе при больнице. С 1949 года сестры из Риги перемещены в Аглону, в помещение ранее упраздненного доминиканского мужского монастыря. Образованной женской обителью стала управлять старшая сестра Эмилия (аббатиса Ридингер; 1898-1962), но с 1957 г. прием в монастырь был прекращен из-за отсутствия жилой площади. Обитель имела 4,7 га земли, из них 3,6 га пахотной, одну лошадь, несколько овец, коз и свиней. По договору с местными кустарными артелями сестры занимались изготовлением кружевных изделий. Уполномоченный в справке отмечал, что «монахини лишь внешне ведут замкнутый образ жизни, на деле же поддерживают связь с населением, выезжают в окружающие села и ведут миссионерскую работу» [5, л. 37].

В марте 1959 г. в Прейльском районе, не без поддержки властей, проходят «собрания коллективов учителей, колхозников и рабочих, находящихся в районе монастыря, которые просят принять решение о закрытии женского Аглонского монастыря» [5, л. 37].

Ходатайства трудящихся способствовали принятию решения о закрытии обители в течение 1959 года. Здание монастыря, земельный участок и домашний скот планировалось передать в распоряжение Министерства социального обеспечения Латв.ССР для организации дома для престарелых [5, л. 29]. А из 38 сестер обители шесть оправить в дома для престарелых, остальных трудоустроить на строительство межрайонной ГЭС и в колхозы [5, л. 30]. Властям все же удалось частично провести кампанию по закрытию монастырей в Латгалии: двух обителей Римско-католической церкви в 1959 году и ранее в 1953 году был закрыт православный женский монастырь в Илуксте. Касательно рижского Троице-Сергиева женского монастыря и его отделения - Спасо-Преображенской пустыни в Валгунде, угроза закрытия еще оставалась целое десятилетие.

Свято-Троице-Сергиев монастырь был устроен в 1892 году благочестивым семейством Марии Николаевны Мансуровой (урожденной княгиней Долгоруковой) и ее дочерей - Екатерины и Натальи. Несмотря на исторические катаклизмы созданная обитель продолжала существовать и являться активным центром религиозной жизни в Балтийском крае. Но после окончания Второй мировой войны с приходом коммунистического режима жизнь ее радикально меняется. Когда-то крепкий монастырский комплекс - Рижский женский монастырь и его филиалы в Валгунде и Илуксте имели в пользовании 19,11 га земли: в Риге 3,19 га, в Валгунде 5,12 га и в Илуксте 10 га. Но в 1946 году новые власти постепенно стали разваливать хозяйство обители. Из 20-ти строений в Валгунде 15 было национализировано. В 1953 году под давлением властей был ликвидирован монастырь в честь «Рождества Пресвятой Богородицы» в Илуксте, а сестры распределены в Троице - Сергиев и Спасо - Преображенскую пустынь [5, л. 51].

Годом позже было принято постановление горсовета г. Риги об «изъятии от монастыря в черте города участка для планового строительства дома в 0,81 га» [4, л. 52]. Кроме того, решением уполномоченного по делам религии обитель

была лишена права юридического лица. К тому же, монастыри не имели так называемых «двадцаток» для своего правового представительства перед органами государственной власти. Таким образом, советское руководство пыталось поразить слабое в правовом отношении звено церкви и лишить массы верующих важнейшей части их духовного окормления [11, с. 363].

В упомянутом в начале статьи постановлении Совета Министров ЛССР о ликвидации рижского Троице-Сергиева женского монастыря и Спасо-Преображенской пустыни предусматривался поэтапного проведения мероприятий. Основными моментами в этой акции государство считало: прекращение поступления в монастырь новых насельниц и ограничение хозяйственной деятельности обители, которое привело бы к ослаблению материальной базы монастыря [5, л. 19]. Кроме этого, уполномоченный наметил проведение ряд мероприятий по изоляции монастыря и по ограничению его связей и влияния на население [5, л. 19]. Через органы МВД Латв.ССР А. Сахаров «рекомендовал» правящему архиерею и игуменье прекратить прием новых лиц в монастырь. Ранее для желающих поступить в обитель, необходимо было получить благословение правящего архиерея, а с 1955 года для принятия монашеского чина - благословение Патриарха. Причем поступление каждой новой насельницы утверждалось уполномоченным. К 1959 году подавляющее число находившихся в обители сестер были приняты до 1944 года. Так, в 1945 году обитель приняла трех человек, в 1952 году было принято и прописано пять человек [3, л. 24]. В 1959 году игуменья приняла четыре человека, без письменного согласия уполномоченного. А. Сахаров писал в Москву: «Вопросом приема в монастырь занималась лично игуменья Тавифа, но пути к изучению метода и подбора, и самих кандидатов мною еще не изысканы» [4, л. 42]. Уполномоченный в письме к министру МВД Латв. ССР Я. Зуян просит ограничить поступление новых лиц в монастырь: «Я лично обратился к начальнику Управления милиции г.Риги тов. Мацулевичу и начальнику паспортного стола г.Риги тов. Ходкевич с просьбой не допускать прописку новых лиц по адресу: г.Рига ул. Кр.Барона 126 (территория монастыря) без моего письменного согласия» [8, л. 1а].

В дальнейшем поступления в обитель не было, так как официально власти запретили прописку в монастыре [8, л. 19]. К концу 50-х годов большинство сестер составляли лица пенсионного возраста - 70% сестер были старше 50 лет, однако были и совсем молодые насельницы в возрасте 20-ти лет. К 1959 году в Рижском монастыре было 59 сестер, а в пустыне 32 [5, л. 50].

В данный период обителью управляла игуменья Евгения (Постовская; 1864-1948), которая трудилась практически со дня основания монастыря, но к этому времени частые недуги и преклонный возраст матушки стали причиной ее ухода на покой. Не задолго до кончины игуменью Евгению постригли в схиму. А с 1947года управлять обителью стала игуменья Тавифа (Дмитрук; 1897-1972), поступившая в Ригу из Свято - Духова Виленского (Вильнюсского) монастыря. Она была не только глубоко верующим человеком, но и прекрасным администратором, с незаурядными организаторскими способностями. По мнению уполномоченного, настоятельнице удалось добиться расположения к обители патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского; 1877-1970). Во время визита игуменьи в Патриархию первосвятитель передал для Рижской обители значительные денежные суммы. Нужно отметить, что Московская Патриархия регулярно помогала монастырю, помощь оказывалась в 1953 - 70 тыс. рублей, 1954 - 60 тыс. рублей, в 1955 -50 тыс. рублей [4, л. 48]. В 1956 году выделила лишь 20 тыс. рублей, а в 1957 году - 98,8 тыс. рублей. В 1958 году поступления уменьшаются - 48 тыс. рублей [4, л. 17]. Для

укрепления духовного стояния в середине 50-х годов обители были переданы от патриарха Алексия I аналойная икона преподобного Сергия Радонежского и частица мощей святого [4, л. 45]. Постоянная помощь и внимание к монастырю, свидетельствовали об особом отношении патриарха и вызывали у уполномоченного усиливающуюся озабоченность.

Несмотря на скромные доходы монастыря, игуменья Тавифа всячески заботилась о благолепии Рижской обители. С 1951 по 1955 годы проходили работы по ремонту Троицкого собора, а также живописных работ по росписи внутри храма. Как образец, за основу были взяты мотивы росписей известного русского художника В.М. Васнецова [1, л. 143]. Что касается основной деятельности сестер, то она состояла в выполнении церковных послушаний: работы в свечной мастерской, находившейся на территории монастыря; выпечка богослужебных просфор; выполнение заказов по вязанию и шитью; реставрация церковного облачения; уход за пожилыми монахинями; работа на огородах. Экономическое благосостояние монастыря всегда держалось на пожертвованиях благотворителей и на молитвенном труде сестер. Несмотря на тяжелое послевоенное время, Рижская обитель не оставалась без поддержки верующих. Из отчетов о пожертвованиях видна динамика процесса: в 1952году собрали 24тыс. руб., в 1953 - 36 тыс.руб, в 1954 - 39 тыс.руб. [4, л. 46] Далее эти суммы возрастают: в 1957 году 50,41 тыс. рублей, в 1958 году 81,79 тыс. рублей [5, л. 18]. По этому поводу А. Сахаров писал: «По доходам Рижский монастырь уступает лишь кафедральному собору, так и любой приходской православной церкви в Лат.ССР», что ярко свидетельствует о внешних связях монастыря [4, л. 46]. Далее он продолжал: «Из года в год растет сумма поступлений в монастырь от отдельных жертвователей. При этом пожертвования поступают не только от верующих, посещающих богослужения в монастырских церквах, но и от высшего духовенства, посещающего Ригу, в частности курорты рижского взморья» [5, л. 18]. Известно, что в 1955 году епископ Тульский Антоний (Кротевич; 1889-1973) гостивший в Риге, пожертвовал обители на реставрационные работы 10 тыс. рублей [4, л. 47].

На протяжении всей истории Рижского монастыря и пустыни жизнь сестер отличалась аскетизмом и скромностью быта. В своем отчете уполномоченный писал, что во второй половине 50-х годов на питание сестры монастыря тратили в среднем около 4 рублей в день. В этот же период, по нормам органов социального обеспечения, в домах для инвалидов и престарелых на питание расходовалось в среднем 6 рублей 60 копеек в день на человека[5, л. 19]. Распорядок в монастыре и питание сестер остался почти неизменным, «на уровне 1900 года» [4, л. 43].

Особое беспокойство в монастыре вызвало постановление Совета Министров СССР от 25 октября 1956 года «Об изменении порядка снабжения населения продуктами животноводства», по которому впредь все министерства и ведомства освобождались от обязательной сдачи государству мяса и молока из подсобных хозяйств. Действие на Рижский монастырь и его отделение в пустыни это постановление не распространялось, так как, по мнению уполномоченного, «освобождение от обязательных поставок государству» могло привести к улучшению благосостояния обители, а это шло вразрез с интересами властей [4, л. 82].

Двумя годами позже принятое постановление «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», упомянутое выше в статье, своей главной мишенью выбрало свечное производство. Так как, удельный вес в доходах, получаемых церквями, приносил высокие поступления от продажи свечей верующим. В Рижской епархии свечное производство

находилось в монастыре и обслуживалось сестрами. Все эти меры должны были легко превратить, как считали власти, обитель в неплатежеспособное учреждение, с перспективой закрытия. Поскольку Церкви запрещалось продавать свечи по ценам, превышающим те, которые были установлены свечными мастерскими, то и это производство было вынуждено закрыться, а свечная продажа была одной из основных статей монастырского дохода. Если производство свечей до 1957 года приносило Рижской обители ежегодную прибыль в 21 тыс. рублей, начиная с 1958 года, производство падает и становится нерентабельным. Прибыль от продажи свечей уменьшается в 8 раз. А в 1964 году свечную мастерскую при монастыре закрыли по требованию уполномоченного и свечи стали поступать из патриархии [2, л. 17].

Следующей важнейшей статьей дохода было поступление средств из Никольской часовни, построенной купцами московского форштадта приписанной к обители. Находилась она на улице Московской, между складскими строениями у въезда в гостиницу для колхозников, недалеко от рижского Центрального рынка [5, л. 41]. В ней совершались молебны по четвергам известным священником, прот. Иоанном Журавским (1867-1964), здесь же, ежедневно дежурили сестры. Часовню посещало очень много людей. Пришедшие могли заказать церковные службы, купить свечи и помолиться. Сестер, которые несли послушание в часовне, приглашали на дом читать Псалтирь по умершим и участвовать в церемониях погребения [8, л. 2]. Из секретного донесения уполномоченного А. Сахарова в Москву: «Когда мною был поставлен вопрос перед правящим архиереем и настоятельницей монастыря, о том, что я не считаю целесообразным использование монастырем данной часовни, находящейся вдали от монастыря и в непосредственной близости с действующей церковью (от авт. «Благовещенской»), - архиерей и настоятельница монастыря с этим согласились, и монастырь передал ключи от часовни райисполкому. Уже в течение двух месяцев помещение часовни закрыто и монастырем не пользуется» [5, л. 41]. 23 февраля 1959 года исполком Московского районного совета депутатов трудящихся принял решение «О сносе часовни Рижского женского монастыря по ул. Маскавас». А.Сахаров в докладной записке Г. Карпову предвосхищая события писал, «что данное решение может быть удовлетворено и не вызовет никаких эксцессов» [5, л. 42].

В защиту Никольской часовни выступили верующие. Письмо на имя Н. Хрущева и К. Ворошилова написал водитель авторемонтных мастерских Латвийской железной дороги И. Аппелис, проживающий в городе Риге. Однако в письме уполномоченного в Москву сообщалось: «Никаких заявлений от верующих, по поводу часовни, - не поступало. За исключением заявления иподьякона кафедрального собора гор. Риги Аппеля … которое нельзя рассматривать как мнение верующих» [5, л. 41]. Но, несмотря на протесты, часовня была снесена [8, л. 4]. Из воспоминаний Л. Маевской известно, что после закрытия Никольской часовни почитаемый рижский старец прот. Иоанн Журавский говорил, что будет Божья кара тем, кто совершил беззаконие. Спустя некоторое время председатель Совета Министров, который принял решение о сносе часовни, погиб в автокатастрофе, недалеко от Тукумса [11, л. 243].

Ликвидация православного монастыря в центре латвийской столицы стала приоритетной задачей и всячески поддерживалась в Москве. В записке старший инспектор Совета по делам русской православной церкви при СМ СССР Л.Алимов докладывал: «В период пребывания в ЛССР мною лично осмотрены Рижский монастырь и его отделение в Валгундском с/с. Совместно с уполномоченным Совета я был на приеме у

заместителя председателя СМ ЛССР т. Берклава Э. и зав. Отделом пропаганды ЦК КП Латвии т.Веселова И. Нами 10 марта 1959 года доложено мнение Совета и уполномоченного о целесообразности закрытия Рижского женского монастыря вместе с его филиалом. Выяснено, что т. Берклав Э. и Веселов И.считают постановку вопроса о ликвидации рижского монастыря православной церкви своевременной и поддерживают это предложение» [5, л. 40].

В эти трудные годы игуменья Тавифа понимала, что открытое противостояние антицерковной политике властей может нанести невосполнимый урон обители, вплоть до ее закрытия. Настоятельница сократила свое общение с представителями органов власти, а также полностью изолировала насельниц монастыря от таких контактов. Власти планировали изъять арендуемые монастырем в Риге и в его отделении в Валгундском с/с Елгавского района республики строения. Почти сто сестер обители, больше половины из которых в преклонных годах (старше 61 года), решали отправить в дома для престарелых, остальных трудоустроить. Но далеко идущим планам не дано было осуществиться, матушки отказались покидать монастырь, тем самым сроки ликвидации сдвигались [5, л. 30].

В 1959 году уполномоченным поднимается вопрос о непосредственной близости Рижской 7-летней школы с женской обителью. Школа размещалась в здании бывшего монастырского пансиона для девиц духовного звания. Властей особенно раздражали крестные ходы, которые проводились в праздник Пасхи, нарушая «покой» учебного заведения [6, л. 66]. В феврале 1960 года администрацией школы было направлено письмо уполномоченному, в котором описывались «ужасные условия работы» [6, л. 66].

Согласно намеченному плану в течение 1960 года власти продолжали давление на обитель. В том же году «за активность» игуменья Тавифа (Дмитрук) с четырьмя сестрами была отправлена в длительную командировку в Горний женский монастырь, в четырех километрах от Иерусалима. Исполнение обязанностей настоятельницы Рижского монастыря было возложено на игуменью Магдалину (Крисько; 1902-1985), которая с 1947 года выполняла обязанности казначея обители. Убрав «активную» игуменью Тавифу, власти рассчитывали на расстройство всего монастырского уклада, но просчитались.

Нужно отметить, что службы в монастыре шли своей чередой. Они отличались особой строгостью, уставным служением и молитвенным пением. Стараниями игуменьи Магдалины был создан прекрасный хор. Поэтому постоянные прихожане не пропускали церковных служб и старались таинство крещения близких людей совершить в монастыре. Так, в храмах обители за 1954 год было зарегистрировано до двухсот крещений [3, л. 26-27]. Властей раздражало, что в обители ежедневно совершаются службы, что храмы посещаются многочисленными прихожанами, что монастырь продолжает быть духовным центром республики.

Нарастает и экономическое давление со стороны государства. Так, в 1959 году Московская Патриархия под нажимом властей прекратила выделять дотации Рижскому монастырю. Несмотря на это, стала поступать неофициальная помощь монастырю. Ежегодно с 1953 г. в Спасо-Преображенскую пустынь переводилась сумма в 6 тыс. рублей – сестре патриарха Алексия I монахине Сусанне (Симанской) [4, л. 48].

Завершить кампанию в Латвии власти планировали закрытием к концу 1959 года православного женского Троице - Сергиева монастыря в Риге, а скит обители по срокам отложили на 1960-1961-е годы [5, л. 30].

Наступил 1960 год, он стал решающим и судьбоносным в жизни обители. Уполномоченный рекомендует епископу

Иоанну (Алексееву; 1892-1966) прекратить таинство крещения в монастыре. Несмотря на давление властей, активную позицию занимают прихожане, от них начинают поступать письма в Президиум Верховного Совета СССР. Верующий И. Аппель отправляет в Москву несколько заявлений: первое от 20 августа, в котором говорится, что закрытие обители расценивается, как «акт надругательства над чувствами верующих» [5 л. 130]. В следующем от 8 декабря, Иван Осипович пишет: «Сообщаем, что в Риге уничтожается монастырь… окольными путями узнал, что монастырь временно оставлен до весны 1961 года...», далее автор констатирует, что «создавать на границах государства очаги возмущения и нежелательных умонастроений большой группы населения…в Риге граничит с преступлением. Протестуя…прошу принять меры, чтобы безответственные люди…не провоцировали население пограничных районов к возмущению» [5, л. 12].

Понимая тяжесть положения, исполняющая обязанности настоятельницы игумения Магдалина (Крисько) в конце 1960 года посещает Патриарха Алексия I с докладом о решении правительства Латвийской ССР закрыть Рижский монастырь и переселить сестер в пустынь. Реакция предстоятеля Церкви последовала категоричная, Патриарх «не разрешает монахиням покидать обитель» [7, л. 2].

В 1961 году игуменья Магдалина решилась на исключительный шаг. Она обратилась к председателю Совета по делам религии при Совете Министров СССР В. Куроедову с прошением оставить монастырь в Риге до тех пор, пока для размещения сестер не будет подготовлена Спасо-Преображенская пустынь, и получила согласие на свою просьбу.

Но, несмотря на протестные настроения, власти не оставляют намеченных планов. Борьба продолжалась, и главной мишенью в ней стала настоятельница. В 1962 году в августовском номере журнала «Огонек» была напечатана статья посвященная игуменье Рижской обители. В сфабрикованном материале было написано, что игуменья Магдалина (Крисько), будучи настоятельницей Корецкого женского монастыря в Ровенской области, якобы помогала в годы Второй мировой войны национальным бандам бендеровцев. В действительности, назначение в обитель игуменья получила только в 1949 году [12, с. 431-438]. Пасквильная статья не помогла уполномоченному осуществить план по снятию с настоятельства обители игуменьи Магдалины, и власти решили борьбу перенести уже в отработанную плоскость.

Так, в 1961 году исполком Рижского горсовета принял решение не возобновлять арендный договор с монастырем и постановил освободить занимаемые монахинями помещения. У обители изъяли здание Троицкого собора, часть земельных участков, два жилых и одно хозяйственное строение. Вследствие этого была закрыта свечная мастерская [2, л.17].

Понимая сложную обстановку в монастыре, епископ Никон (Фомичев; 1910-1995) решил учредить в помощь насельницам «Духовный совет обители», состоящий из шести опытных монахинь, в функции которого входило бы поддержание духовного порядка и дисциплины в монастыре. Обратимся к воспоминаниям монахини Никоны (Циро; 1921-2009): «В газете объявили, что монастырь закрыли. Стали угрожать, что если кто из него не уйдет, то погрузят и увезут непокорных на целину в Казахстан. Спасала только молитва» [11, с. 246].

По-отечески поддерживая сестер, владыка Никон (Фомичев) регулярно совершал службы в монастыре и очень внимательно следил за событиями. Несмотря на рекомендацию уполномоченного о запрещении совершать таинство крещения, Владыка благословил возобновить их в монастырском храме. В результате в 1964

году в Рижской обители было зарегистрировано 38 крещений [2, л. 17].

В 1964 году в газету «Советская Латвия» прихожанкой В. Смирновой было отправлено письмо в поддержку монастыря. Виновниками этой «кляузы», как считал уполномоченный, явились активные церковники - архиерей и духовенство, которые должны были ответить за дерзкий поступок. Впоследствии за выступление верующей был снят с регистрации священник Рижского монастыря протоиерей Николай Баранович (1898-1975) [2, л. 32]. Несмотря на эти действия, епископ Никон мужественно отстаивал монастырь. В неоднократных беседах с представителями советской власти Владыка приводил веские аргументы в пользу сохранения обители в Риге: во-первых, не следует переселять сестер в пустынь под Елгаву, так как они лишались бы единственного источника доходов; во-вторых, в пустыни строения ветхие, построенные в XIX веке, требующие ремонта и благоустройства, и в этих помещениях нет возможности разместить всех сестер, так как большинство монахинь одинокие и в преклонных годах. И самое главное то, что пустынь находилась в глухом месте в лесу, и там не было источника питьевой воды [5, л. 12].

Архиерей считал веским аргументом еще и то, что большинство монахинь прожили в монастыре большую часть своей жизни. Приводились цифры, свидетельствующие, что 70 сестер (более 2/3 насельниц) старше 50 лет. Следовательно, ликвидация Рижского монастыря одновременно вызывала ряд практических трудностей, так как необходимо было разместить большое количество пожилых сестер в дома престарелых и инвалидов, при явном нежелании последних покинуть обитель [5, л. 10].

К 1964 году действия советских властей по ликвидации Рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря пошли на спад. Обитель была сохранена, мудрым и дальновидным управлением игуменьями: Тавифой (Дмитрук) и Магдалиной (Крисько). В противостоянии властям проявилась также стойкость верующих людей и монастырских прихожан. Но все это смогло осуществиться благодаря твердости епископа Никона (Фомичева). Когда к Владыке пришли подписывать бумаги о закрытии монастыря, он ответил: «Если вы имеете право, то закрывайте обитель, а моей подписи не будет» [12, с. 248]. Власти не ожидали массового возмущения, связанного с закрытием ранее рижского кафедрального Христорождественского собора и поэтому не решились на очередную крупную антирелигиозную акцию. Эта мысль прослеживается в письме патриарха Алексея I – В. Куроедову, председателю Совета по делам РПЦ при Совете Министров Союза ССР. Документ, датированный от 30 апреля 1964 года: «P.S. В Риге закрыт великолепный Собор несколько времени тому назад. Уничтожение теперь прекрасного монастырского храма вызовет, несомненно, среди православного населения большое смущение…». Святейший патриарх сдерживал натиск воинствующих атеистов и не давал своего согласия на закрытие Рижского монастыря [13, с. 440].

«Non licet voc esse». Данная сентенция в переводе с латыни означает - «Не должно вам быть». Этими словами римские императоры приговаривали первых христиан на смерть, лишая их права на жизнь. Но человек состоит не только из тела и души, а у человека есть и вера, которая помогает выживать в трудные исторические периоды. Монашество верный показатель духовного состояния народа, показывающий его моральный уровень, а уничтожение его часто свидетельствовало о религиозно-нравственной деградации общества. Советская власть не могла мириться с проявлением иной жизни, т.к. атеисты воплощали в жизнь главный идеологический лозунг - «через безбожие - к коммунизму».

Прошло с тех пор 50 лет, однако тенденции в сознании современного общества свидетельствуют, о том, что сильны ностальгические нотки о прошлом советском периоде, память у многих людей рифлексирует. Информация черпается не из исторических первоисточников или фундаментальных исследований, а из средств массовой информации и досужих домыслов. Возвеличивая, события тех лет мы перечеркиваем страдания и многочисленные жертвы людей, в том числе верующего народа, пережившего чудовищные годы всевозможных экспериментов атеистического безбожного режима.

Работа в Латвийском Национальном Архиве показала, что особое внимание кампании по закрытию монастырей в Латвийской ССР было нацелено на Рижскую обитель, т.к. монастырь «оказался в районе, активно населяемом трудящимися крупнейших рижских предприятий» [5, л. 21]. Власти пытались пресечь активность религиозного воздействия со стороны монашествующих на советских граждан в самом центре столицы Советской Латвии, а за кампанию были ликвидированы и монастыри Римско-католической церкви в Латгалии.

Библиографический список:

1. Latvijas Nacionālā arhīva Latvijas Valsts arhīvs (далее – LNA LVA),

1419. f., (PSRS Ministru Padomes Reliģijas lietu padomes pilnvarotais Latvijas PSR) 1. apr., 44.1.

2. LNA LVA, 1452. f., (PSRS Ministru Padomes Krievijas pareizticīgo baznīcas lietu padomes pilnvarotais Latvijas PSR) 1. apr., 46.1

3. LNA LVA, 1452. f., 1. apr., 60. l

4. LNA LVA, 1452. f., 1. apr., 61. l

5. LNA LVA, 1452. f., 1. apr., 65. l

6. LNA LVA, 1452. f., 1. apr., 66. l

7. LNA LVA, 1452. f., 1. apr., 75. l

8. LNA LVA, 1452. f., 1. apr., 77. l

9. Русская Православная Церковь XX век., под редакцией архимандрита Тихона (Шевкунова) и О.Васильевой. Сретенский монастырь. Москва, 2008.

10. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Крутицкое Патриаршее Подворье. Москва, 1999.

11. Иоанн Журавский, протоиерей. Тайны Царствия Божия. Санкт-Петербург, 1996.

12. Богословский сборник. А. Гаврилин. Почему не был закрыт Рижский Свято-Троицкий Сергиев монастырь? Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт. Выпуск X1. Москва, 2003.

13. Письма патриарха Алексия I в Совет православной церкви при Совете народных комиссаров-Совете министров СССР 1954-1970 гг. 2 том. Под ред. Н.А. Кривовой. РОССПЭН. Москва, 2010.

©Седова Г.В., 2014